

Глава Держмитслужби Павло Рябікін: "Під санкції РНБО потрапила видима частина айсберга контрабанди"

[Цензор.НЕТ](#) 26.04.21 13:30

О том, какой эффект будет иметь в борьбе с контрабандой введение санкционных списков, о "списке Рябикина", о тех, кого в них не включили, и причинах, из-за которых это произошло, запрете силовикам проводить проверки в зоне таможенного контроля и войне с СБУ, а также почему Владимир Зеленский хочет, чтобы таможенники стали богатыми людьми, в интервью "Цензор.НЕТ" рассказал глава Государственной таможенной службы Павел Рябикин.

**"ЕСЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ СОВЕРШАЕТСЯ СУБЪЕКТОМ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СГОВОРЕ С**

РАБОТНИКОМ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ, ТО ОБА НЕИЗБЕЖНО ДОЛЖНЫ ПРИВЛЕКАТЬСЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ"

– Характеризуя санкционные списки как способ борьбы с контрабандой, некоторые юристы отмечают, что это скорее символическое действие, чем правовое решение. А как такие списки оцениваете вы?

– Есть решения правовые, а есть политико-правовые. Меня этому учили еще в институте, когда преподавали теорию государства и права. Так вот, мне кажется, что когда мы говорим о решениях СНБО, речь в большей степени о политико-правовых, которые одновременно определяют и какое-то направление движения общества, и правовые последствия. К правовым в данном случае можно отнести то, что на основании санкций мы получили право лишить компании лицензии на осуществление определенных видов деятельности.

– Списки нам выдают порциями. А как формировался первый? На чем основывалось решение?

– Я, к сожалению, здесь не могу вам в полной мере восполнить нехватку информации. Потому что на заседании СНБО, где это решалось, было два вопроса. Первый – экономические проблемы страны, связанные с ситуацией в Государственной таможенной службе. Обсуждалось, как мы оцениваем ущерб от деятельности по недополучению таможенных платежей, а также что мы собираемся предпринять, чтобы исправить ситуацию.

Мы там рассказывали о комплексе мер, которые должны повысить способность таможни реализовывать ее функции. Это был и пакет законопроектов, которые мы просим, чтобы были внесены от имени президента, и наши планы по кадровому реформированию. А также наши планы по реформированию инфраструктуры и по внедрению новых IT-технологий. Это 4 основных направления, которые мы презентовали.

Второй вопрос рассматривался в секретном режиме. Там докладчиком была Служба безопасности Украины. На этой части заседания не было ни меня, ни

руководителя Госпогранслужбы. Поэтому мне трудно ответить на ваш вопрос, я точно так же увидел этот санкционный список уже в готовом виде, как и вы.

– И что о нем думаете?

– Мы видим компании, в которых нет ни Альперина, ни Шермана, ни в числе учредителей, ни директоров. Да, мы также видим их действия по неполному и недостоверному декларированию, а когда приходим с проверкой, они лопаются, как мыльный пузырь. То есть, донасчитать платежи таким компаниям достаточно сложно. И второе, то, что мы с вами тоже должны понимать, когда говорим о контрабанде. В фильмах нашей молодости показано, как контрабандисты под покровом ночи на баркасе в какую-нибудь бухту привозят что-то и выгружают там. Вот такой контрабанды сейчас практически не осталось. Сегодняшний отчет, например. Кто-то провозит какое-то количество таблеток с неразрешенным активным веществом. Кто-то – какой-то мотор, и вместо миллиона указал стоимость 190 тысяч.

Такие контрабандисты-"аматоры" существуют, но вред от них кратно меньше того вреда, который наносит контрабанда, основанная на коррупции. Именно так: два "К" – контрабанда равна коррупции. Ни одно крупное контрабандное нарушение сегодня не проходит без сговора участников рынка, таможенника и правоохранителя, который это все "крышует". Для того, чтобы преодолеть масштабную контрабанду, надо системно решить вопросы коррупции в органах государственной власти, которая это контролирует.

– Что вы предлагаете изменить, чтобы побороть системные нарушения таможенных правил?

– Сейчас наш приоритет – это борьба с неполным и недостоверным декларированием. Поэтому мы предлагаем не только криминализировать товарную контрабанду, но и ввести уголовную ответственность за такое декларирование.

– В каком виде?

– В виде многократных штрафов к сумме незадекларированного товара.

Задекларировали, к примеру, товар на 100 тысяч, а де-факто завезли на миллион, 5-кратная или 10-кратная ответственность. Значит, штраф – 10 млн. И по мере увеличения объемов – увеличение, кратное этим платежам.

– Накажете декларанта. А что с таможенником?

– Если преступление совершается субъектом внешнеэкономической деятельности в сговоре с работником таможенной службы, то оба – и таможенник, и декларант – неизбежно должны привлекаться к уголовной ответственности в виде лишения свободы. Это поменяет среду, в которой оказываются участники рынка. Таможенник должен обрести страх. Страх, что его накажут.

– Только на страхе ничего не построить. Мотиваторы будут?

– Должны быть обязательно. Хорошая зарплата и проценты от штрафов, а также процент от стоимости реализованного товара, который был конфискован. Тогда у таможенника появится выбор: взять условную тысячу долларов взятки или зафиксировать правонарушение, получив 500 долларов премии.

- Вдвое меньше?

- Зато спать спокойно. Сочетание двух факторов – страха и стимулов – может поменять службу. При этом придется существенно обновить ее личный состав, к сожалению.

– Хотите создать спецфонд, куда направлять средства от реализации конфиската?

– Да. Предлагаем часть отправлять в госбюджет, еще часть – на премирование таможенников и обеспечение материально-технической базы таможни. Также есть предложение по досудебному урегулированию споров. Выявили нарушение, на месте предложили уплатить штраф без дальнейшей судимости и отметки о ней. 50% от этого штрафа идет в этот же спецфонд. При этом человек, который сделал такое оформление, получает 20% от этой суммы. Все свои предложения по созданию специального фонда госбюджета

передали в Офис президента для изучения и возможно внесения в парламент как первоочередных законопроектов. Это и вопрос криминализации, и внесения изменений в Уголовный кодекс, Уголовный процессуальный кодекс, закон об оперативно-розыскной деятельности, закон о государственной службе и в Таможенный кодекс. Это целый комплекс законов, без которых не получится изменить эту среду и эти правила.

– Идеи хорошие. Но решение о конфискации принимает суд, а к реализации конфискованного таможня не имеет никакого отношения. Как планируете контролировать этот процесс? Может оказаться, что овчинка выделки не стоит. Мы были как-то на складах СЕТАМ, ничего ценного среди конфискованного не нашли. Где-то теряется по дороге, видимо.

– В прошлом году, на момент прихода на службу, я спросил, на какую сумму на складах числятся конфискованных товаров. Выяснилось, что на 1 млрд 600 млн грн. На конец года у нас осталось, по-моему, на 860 млн. Спрашиваю: сколько денег перечислено в бюджет? Отвечают, что 200 млн. – Почему, ведь было товаров на 800? – Потому что в ходе реализации произошло понижение стоимости.

А де-факто получается так. Товары лежат на складе, который, как правило, арендуется у частного оператора. В период нахождения на складе по сговору участников процесса дорогие фирменные брендовые куртки меняются на, извините, дешевые китайские трусы. И дешевые китайские трусы реализуются по остаточной стоимости.

– Попытайтесь вернуть право на торговлю конфискатом?

– Да, мы хотим получить право на реализацию таможенного конфиската.

– После появления первого санкционного списка вы отстранили от работы более 150 таможенников. Какие основания? По ним открыты уголовные производства?

– Мы получили в числе прочего от СБУ информацию о таможенниках, которые попали в зону внимания правоохранительных органов в связи с

санкциями. Отстранили на основании этих писем 158 человек от работы. Открыли дисциплинарные производства. В ходе этих производств поставили себе задачу выяснить характер взаимодействия наших работников с компаниями или с физическими лицами, которые находятся в санкционном списке.

- Если не найдете нарушений?

- Вернем людей на работу. Это то правовое поле, в котором мы сейчас находимся. Но когда мы переведем наших сотрудников на контрактную форму работы, то сможем осуществлять проверки с использованием полиграфа, и непрохождение такой проверки будет основанием для расторжения контракта. Все это запланировано в рамках кадровой реформы, которую мы проводим.

Мы предусмотрели, что имеем право любую служебную проверку сопровождать контролем на полиграфе, и создаем службу полиграф-контроля. То есть любой сигнал о том, что таможенник делает что-то неправомерное, влечет за собой служебную проверку и соответственно проверку на полиграфе.

"СПИСКА РЯБИКИНА НЕ СУЩЕСТВУЕТ"

– Формирование списков – это все-таки борьба с экономическим терроризмом, как обозначил президент, или перераспределение контрабандных потоков с участием силовиков?

– Мы живем в мире, в котором все очень комплексно и многогранно. Я думаю, что в любом явлении позитивного характера присутствуют какие-то свои негативные подтексты и подсмислы. В конкретном случае, который мы имеем сейчас, наверное, присутствуют разные элементы. Мне трудно судить. Я не так давно в тематике, которая связана с контрабандой в таможенной сфере. Для меня это новое. Я больше рассматриваю таможню как системный менеджмент, который может проанализировать ее функциональность и понять, как эту функциональность улучшить. А тематика, связанная с самой контрабандой, требует каких-то глубоких исторических знаний. Сказать, что я ими владею в полном объеме, нельзя. Для меня фамилии Альперина, Шермана, Ферманюка, кто там еще – звучат одинаково незнакомо. Я с ними не контактировал. До прихода в Гостаможслужбу я занимался другими вопросами.

– Списка Рябикина не существует?

– Списка Рябикина не существует. Рябикин здесь для того, чтобы формировать бюджет и изменить таможенную службу. Нам надо сделать так, чтобы одна персоналия не сменялась другой. То есть, уничтожить ту среду, которая этим личностям позволяет рождаться, развиваться и в конечном итоге паразитировать.

– Давайте поговорим о списке Саакашвили, который озвучил ряд фамилий и скандальных заявлений в недавнем [эфире программы "Свобода слова Савика Шустера"](#). Там было сделано немало резонансных заявлений о таможне и борьбе с контрабандой и другими участниками ток-шоу. Хотелось бы услышать ваши комментарии. Кстати, а почему вы не принимали участие?

– Я принимал участие в предыдущем. Этот эфир смотрел не полностью,

отдельные выдержки. Что касается заявлений, то политики всегда могут позволить себе больше, чем госслужащий с точки зрения ответственности за сделанное заявление.

– Саакашвили, в частности, сказал, что "настоящим руководителем таможни" является Александр Ивашкевич, который, по его словам, контролирует IT-систему, и любой груз якобы может испариться из системы, останавливаться и т.д. Вам есть что возразить?

– В отличие от таможенников, политики имеют право на гипотезы. У меня подтверждений этому нет. Я понимаю, что есть проблема с IT. Она давняя. Она глубинная. Да, IT-продукт нуждается в модернизации и в замене. Я предпринимаю все, что в моей власти как управленца, находящегося здесь на должности, чтобы эти изменения произошли максимально быстро и с минимальным ущербом для системы. Потому что замена IT-продукта – это сложный процесс. На то, чтобы заменить систему Гостаможслужбы, по самым скромным оценкам наших гениальных айтишников, уйдет от 3 до 6 месяцев. И надо это сделать без сбоев. Если хотя бы на день останавливается таможенная служба, это не только недопоступление 40% в бюджет, это еще и огромные очереди на границе, в портах, это коллапс в инфраструктуре. Поэтому здесь надо находить какие-то оптимальные пути решения.

Мне очень нравится Михеил Николозович, мы вместе учились в университете, он мой товарищ. Дискутировали всегда, еще со студенческих времен. Но, наверное, мир движет именно диалектическое противоречие между революционерами и консерваторами. В данном диалоге он – революционер, я – чуть-чуть консерватор.

– Он не прислал вам этот свой список?

– Мы с ним общаемся, обсуждаем. Эти списки есть, эти фамилии на слуху. Но еще раз повторюсь: как человек, который находится на госслужбе и имеет юридическое образование, я не могу обвинять людей в том, что они чем-то занимаются, не имея тому фактов и доказательств.

– Он назвал среди прочих фамилию бывшего руководителя

Гостаможслужбы Макаренко, при этом на экран в студии вывели фотографию другого человека – Геннадия Романенко. Не обратили на это внимание?

– Я постоянно слышу фамилии разных предшественников от разных людей. Я очень многих руководителей таможенной службы, начиная с Каленского, знаю лично. Это и Каленский, и Хорошковский, и Витя Бондарь со мной работал, потом был здесь замом, и Дериволков, и Макаренко, и Комаровский. По жизни с ними сталкивался, не интересуясь таможенной тематикой. Пришел сюда и слышу теперь: "Вы его назначаете, а это человек Калетника, а это человек Макаренко!"

У нас среднестатистический период пребывания в Гостаможслужбе руководителя, если брать до 2020 года, 2 года. Любой сотрудник при ком-то работал, при ком-то делал карьеру, потом были падения какие-то. Поэтому привязать человека, работавшего более 10 лет в таможенной службе, можно к любому бывшему руководителю. Наверняка какие-то взаимосвязи, знакомства были. Но я исхожу из того, что должна быть функциональная способность человека сделать свою работу. Вот что важно. При этом он мог при одном главе таможни быть руководителем департамента, при другом работать где-то на периферии на посту и так далее.

У нас фамилиями часто жонглируют больше от желания придать содержательность дискуссии, нежели исходя из каких-то конкретных фактов. Какой бы политик это ни делал, ему можно. Руководителю госструктуры – нельзя.

– Все-таки хотелось бы услышать, как вы оцениваете контакты замглавы Гостаможслужбы Бережнюка и Геннадия Романенко – экс-таможенника, которого показал на фото Саакашвили в списке контрабандистов и который избежал включения в оба санкционных списка. Говорят, Бережнюка вам навязали из Министерства финансов, правда ли это?

– Иван Григорьевич Бережнюк, мой первый зам, победил в конкурсе на эту должность еще до моего прихода на таможню. Он много лет работает в

таможенных органах и, безусловно, встречался и контактировал с очень многими коллегами. Очевидно, он знаком и с господином Романенко. Об их возможных контактах вопрос следует адресовать самому Ивану Григорьевичу.

– Народный депутат Алексей Гончаренко в этом же эфире назвал еще одну фамилию – Виталий Качур. Он отметил, что этот человек является гражданином РФ, близким к премьеру Мишустину, и охарактеризовал его как "смотрящего" за украинской таможней. Знаете ли вы этого человека и какие у вас отношения?

– Я его действительно знаю еще с 90-х годов. У меня был период, когда я работал в авиакомпании, которая базировалась в Объединенных Арабских Эмиратах. Карго-компания. Она занималась доставкой грузов на территорию бывшего Советского Союза. И Качур на тот момент был очень крупным заказчиком, оператором для таких карго-перевозок. Он был одним из тех, кто в те времена как раз обеспечивал такие поставки.

– Сейчас вы не взаимодействуете?

– После того, как стал руководителем таможенной службы, я попросил его сделать один расчет по китайским транзитам. После этого мы с ним не общались. Хотя он живет совсем недалеко от меня.

(...далее мы выключаем диктофон и Рябикин рассказывает дополнительные причины общения с Качуром, которые мы опустили по просьбе главы таможни, – ред.)

Кстати, я сейчас сталкиваюсь с тем, что очень много людей, которые когда-то со мной встречались, пытаются от моего имени "решать" вопросы. К сожалению, это то, с чем очень сложно бороться в нашей действительности.

– Под вас уже такса есть?

– Мне называли разные цифры.

– Скажите, впечатлите нас.

– Меня эти цифры не впечатлили.

– **Маловато просят?**

– Да, что-то как-то дешево. Или в последнее время мельчали руководители таможен... Раньше, при Валерии Ивановиче Хорошковском, звучали какие-то большие заоблачные цифры. Сейчас – все. Мельчает народ. Контрабанда – от явления, когда это идет большим поездом или большой партией, перешла в режим решета, когда очень много мелких-мелких капающих дырочек. Поэтому это, наверное, измельчение этой структуры, этой системы, которая везде прогнила и дает везде течь.

– **Так есть смотрящие на таможне, о которых говорит Саакашвили? Кого-то можно отнести к этой категории?**

– Наверняка есть какое-то взаимодействие системных организаторов контрабандных потоков с какими-то руководителями по местам оформления. Наверное, это есть и в центральном аппарате. Я иногда сталкиваюсь здесь с вещами, мне не совсем понятными. Но у меня такой характер, что я пока не вникну и не разберусь, не делаю выводы. Но это не значит, что я на это не обращаю внимание или этим не занимаюсь. Рано или поздно я все равно эти выводы сделаю.

"НАША СТАТИСТИКА ОЧЕНЬ ИСКАЖЕНА. МЫ НЕ ВИДИМ В НЕЙ БРЕНДОВОЙ ОДЕЖДЫ"

– Как еще можно минимизировать системные нарушения таможенных правил? Можно ли, к примеру, использовать такой способ: въехали с грузом – покажите одновременно декларацию импорта и декларацию экспорта? Чтобы было видно, за сколько купили товар и какой, и что и за сколько показывают уже тут.

– Знаете, почему грузинская ситуация сегодня может быть с трудом повторена у нас? У них была единая таможенно-налоговая служба. Они на входе брали любой товар, просто они контролировали его на выходе по конечному потребителю. Соответственно, если он входил по заниженной цене на таможне, он облагался максимальным налогом при продаже конечному потребителю. Или если платился высокий налог при ввозе, то конечное налогообложение было ниже.

– Вы говорите о целой цепочке, тут важно взаимодействие таможенной и налоговой служб. А я говорю о самом начале – въезде. Я имею в виду, чтобы любой таможенник видел реальную стоимость и не было

манипуляций.

– У нас, к сожалению, сегодня отсутствуют механизмы получения информации об экспорте из страны. Приведу пример. Мы, когда проходит контроль на польской территории и груз въезжает на украинскую территорию, видим, как правило, измененные документы, так называемый подломленный инвойс.

Мы также видим по статистическим данным поляков, что сумма, которая компенсируется на границе в виде возврата НДС при экспорте товара, где-то на 1,5 млрд евро отличается от той суммы, которая задекларирована на украинской границе при ввозе товара. Но проблема в том, что механизмов обмена информацией по ценам с Евросоюзом нет, потому что это связано с законодательством о защите персональной информации, действующем в ЕС. Поляки нам говорят: да мы с удовольствием поделимся, но давайте вы договоритесь в Брюсселе и включитесь в таможенное пространство Евросоюза. А в Евросоюзе говорят: давайте вы обеспечите такой уровень защиты персональных данных, который есть сегодня в ЕС. Поэтому это процедура достаточно сложная. Как раз этому вопросу было посвящено два совещания: одно у премьер-министра, второе - СНБО.

Я поднимал вопрос о том, что нам еще необходимо с точки зрения совершенствования нормативно-правовой базы обеспечить иную договорную базу с нашими сопредельными странами для обмена информацией. У нас сейчас, к примеру, большая проблема по обмену информацией с Китаем и Турцией. Там практически эти механизмы отсутствуют. Потому что когда речь идет о турецком карго, то это часто просто товар, покупаемый на базарах. Там цена может быть любой. Цена сделки и цена документа может быть любой. В Китае, где уже многие наши импортеры имеют собственное производство, они могут ставить любую ценовую информацию. Она не будет соответствовать реальной. Это уже зависит от точки, где они формируют себе прибыль. Поэтому проблема комплексная. В мире она решается 5-6 методами определения таможенной стоимости. К сожалению, у нас в законодательстве такое понятие как таможенная стоимость тоже еще хромает. И это тоже один из элементов тех

изменений в Таможенный кодекс, которые мы просим сейчас внести.

– Микheil Саакашвили – глава исполнительного комитета Нацсовета реформ, который представлял свою альтернативную модель реформы таможни, заявил, что потери бюджета от коррупции – около 37 млрд долларов в год, в том числе потери на таможне – 3 млрд долларов. Вы согласны с этой оценкой?

– Если мы все-таки говорим о системных нарушениях таможенных правил, то тот анализ ресурса, который можно мобилизовать в бюджет, нами оценивается от 100 до 150 млрд грн ежегодно при нынешней базе налогообложения. Это совпадает с оценками достаточно большого количества разных институтов, общественных организаций.

– Ваши расчеты на чем основываются?

– Мы исходим из того, что у нас в нынешнем бюджете, в его структуре есть порядка 90% доходов, которые формируются от 3% участников внешнеэкономической деятельности, которые зарегистрированы. То есть 3% компаний, которые занимаются внешнеэкономической деятельностью, являются импортерами, формируют около 90% бюджета. Это т.н. белая сфера, для которой нужно создать максимально благоприятные условия. Это и институт авторизованных экономических операторов, и многие другие вещи, которые облегчают деятельность и делают практически незаметным для них прохождение таможни. Эти 3% – это те компании, которые существуют по много лет, это те компании, которые повторяют похожие операции на протяжении длительного периода времени, которым нет смысла из-за репутационных рисков, из-за какой-то экономии играть тем, что мы называем таможенными нарушениями.

Второй сегмент, который присутствует, это порядка еще 4%, которые формируют еще... в абсолютных, если мы 360 млрд. в год собирали, у нас порядка 330 получалось в белом сегменте. В сером сегменте – все остальное. И вот там тоже есть компании, которые мы для себя условно разбили на два вида. Одни – условно серые, другие – черные, теньевые. В условно сером сегменте компании, которые тоже существуют по много лет, которые

формируют приблизительно 50% из оставшихся 10, которые занимаются разными операциями с небольшими объемами внешнеторговых контрактов, там до миллиона долларов разовая операция.

В этом сегменте мы в бюджет получаем порядка 15-20 млрд. и в этом сегменте мы видим нарушения, которые импортерам позволяют сэкономить на мелких вещах – чуть-чуть занижить НДС или показать чуть-чуть не то весовое соотношение. То есть какие-то достаточно мелкие, очень аккуратные попытки сэкономить, оптимизировать на ввозе. Вот здесь мы где-то оценили ресурсность в 30-50% от объемов тех платежей, которые идут в бюджет. То есть, из тех 20 млрд, которые они формируют, можно добавить еще плюс 10 млрд, и это будет примерно соответствовать действительности.

А последний сегмент – самый интересный. Он сегодня дает в бюджет что-то около 3,5-4,5 млрд. И когда говорят, что там 3 бюджета, там 5 бюджетов. Вот в этом сегменте, в этих самых процентах очень узких находятся 90% участников внешней экономической деятельности, там более 200 тыс. субъектов. И ресурсность его где-то возможно повысить, по некоторым оценкам, от 3 до 7 раз. Увеличить платежи в бюджет. Ведь что реально происходит в этом сегменте, мы не знаем. Это товары народного потребления. Если мы даже берем статистику, то наша статистика очень искажена. Мы не видим в ней брендовой одежды. В Киеве и во всей стране очень много магазинов, которые торгуют очень хорошими брендами. Их нет в статистике.

– **Магазина Sanahunt тоже нет в статистике?**

– Практически отсутствует. Эти сегменты все очень размыты.

– **Значит, Андрей Борисович Ермак недорабатывает, он же юристом был в этом магазине. Я, честно сказать, рассчитывал, что все-таки Sanahunt наоборот – в первых рядах сейчас все декларирует, ведь положение обязывает.**

– У нас количество пластиковой мебели, бумажных салфеток и китайских трусов, которые используются, как товары прикрытия, зашкаливает. Если

взять всю пластиковую мебель, которая за последние 4-5 лет зашла в Украину, то, наверное, у нас бы не осталось свободного места на асфальте, везде нужно ставить пластиковый стул. Поэтому анализ ресурсности такими косвенными методами по тому, что есть на рынке, по сравнению с тем, что задекларировано, говорит о том, что там есть кратное превышение. И там можно набрать на эти порядка 50-70 млрд. дополнительных платежей. Но еще раз, когда мы говорим о трех бюджетах таможни, а такие заявления часто звучат, когда мы говорим о 3-5 сегментах в 10% в 25-млрдном сегменте – да, это имеет право на жизнь, там набирается 50 млрд. Когда мы же говорим о 5-кратном бюджете таможни, который состоит из 350 млрд, это совсем другие цифры. Просто политики могут себе позволить чуть-чуть подменять понятия. Мы не можем.

– То, что Саакашвили предлагает, это реалистичная реформа, ее можно сейчас реализовать?

– У Михеила Николозовича есть масса рациональных вещей, которые хорошо сработали в рамках достаточно локальной территории Грузии. По сравнению с Украиной – это совершенно другие объемы. Я согласен с их

идеей внедрения практически калькуляторной расчетной стоимости при растаможке автомобилей. Шикарно. Надо брать эту идею за основу, внедрять. Да, мы чуть-чуть будем терять на каких-то моментах, что автомобиль одного и того же года с разным опционным набором может стоить разные деньги, но будет считаться по одной входной цене. Но здесь уже вопрос о функции таможни как органа, который должен регулировать и стимулировать внешнюю торговлю.

Вопрос: введя такой формульный расчет, какие коэффициенты поставить? Которые будут стимулировать завоз подержанных автомобилей или которые будут стимулировать завоз новых автомобилей? Если мы хотим видеть больше нового более экологичного транспорта, значит, как центр расчетный в этом калькуляторе надо ставить более высокими. Если мы хотим популистических решений, значит, мы должны здесь занижать коэффициенты, получать балл от "Авто Евро силы" и еже с ними организаций. Но по результатам через несколько лет увидим, что у нас хуже экология, потому что выбросы другие, потому что стандарты другие и так далее. Поэтому в каких-то отдельных элементах предложенная система нашими грузинскими коллегами, с которыми мы в полном контакте, мне очень нравится.

Но проблема реформирования нашей таможни состоит в том, что у нас есть несколько стекхолдеров в виде таможенных органов: органа управления в виде Министерства финансов и Кабинета Министров, парламента и парламентского Комитета по таможенной политике, международных организаций донорских, которые обеспечивают сегодня финансирование процессов реформирования, и Офиса простых решений Михеила Саакашвили, каждый из которых видит свой путь. Мы их собрали в этом здании, сказали, что выполним любое наработанное ими совместное решение. Ведь все эти стекхолдеры должны двигаться в одном направлении. К сожалению, этот разговор закончился ничем, потому что Саакашвили обвинил представителя Минфина в непарламентских выражениях в том, что он главный тормоз реформы.

– Кто был от Минфина?

– Москаленко. На этой встрече был Москаленко, был Гетманцев, был Саакашвили. И даже в этом не самом широком кругу, потому что мы не брали общественные и донорские организации, единое видение не было найдено. Наша проблема была в том, что не было единых подходов к какому-то реформированию. Поэтому мы пошли на то, что занялись не свойственными для себя функциями, на заседании СНБО мы презентовали свой пакет законопроектов – как мы видим эти изменения, к чему они должны привести с тем, чтобы в рамках существующего поля не изменить что-то кардинально, но повысить какую-то функциональную способность таможни выполнять свои задачи.

– **Вы сказали, что хотите внести изменения в закон об ОРД, в УПК. Будете просить право на ОРД и на досудебное следствие?**

– Да, мы будем просить право на осуществление двух функций.

– **Вряд ли вам дадут. Попытки были и раньше, никому из руководителей добиться этого не удалось.**

– Я знаю, что этого очень многие боятся. Но для нас эти функции важны, потому что в трансформирующемся мире трансформируются и формы правонарушений. Что мы видим на восточной границе? С Россией ограничен максимально любой торговый оборот. Но контрабанда идет. Знаете популярную на западной границу схему пиджаки, когда товар везут бусами, а потом дробят партию?

- **Конечно, стара, как мир.**

- Там вместо микроавтобусов пассажирские поезда. Эти пассажирские поезда курсируют по определенному графику, когда таможенник, заходя на одной станции, должен проверить весь поезд до следующей станции. Естественно, осмотреть весь багаж он не может. Мы понимаем, что в багаже идет системная контрабанда. Люди в течение месяца по 7-8-10 раз ездят туда и обратно. В сумках иногда мы встречаем даже товары двойного назначения.

Чтобы понять и таргетировать, кто может этим заниматься, надо как минимум получить информацию, кто и как часто пересекает границу. На наш

запрос пограничным органам, кто и как часто пересекает границу на таких-то маршрутах, нам говорят: а на основании каких нормативных документов вы это запрашиваете? Дайте номер уголовного производства или оперативно-розыскного дела, на основании чего вы этим интересуетесь. Потому что это тоже вопрос защиты персональных данных. И мы, будучи лишены этих механизмов, не можем получить информацию, которая необходима для реализации мер противодействия такой контрабанде, которая тоже системна.

Мы также не можем получить в полном объеме от наших зарубежных коллег из Западной Европы, где четко сказано, что обмен определенного рода информацией идет в рамках соглашения о правовой помощи, которое предусматривает, что там находятся только ведомства, наделенные правом оперативно-розыскной деятельности. Мы в их число не входим. Например, в Германии структурирована таможенная служба. Одна часть, то есть то, что называется таможня, и там работают гражданские люди, которые занимаются оформлением. Еще часть – это правоохрнительное подразделение, которое занимается борьбой с контрабандой и выявлением нарушений таможенных правил системного характера. Для того, чтобы получить от этого подразделения информацию, мы не можем обратиться напрямую. Мы должны идти в прокуратуру, просить написать запрос о правовой помощи, и это в конечном итоге забалтывается.

– А следствие вам зачем?

– Сегодня мы видим большое количество правоохранителей, которые слетаются на любой сигнал о задержанном контейнере сигарет. Но когда мы ловим импортера на относительно незначительном правонарушении, связанном с завозом какого-то контрафактного продукта или чего-то еще, правоохранителям это неинтересно. Мы не можем вести следствие. Кто будет расследовать? Оно даже не попадает в суд. Этим должна заниматься таможня. Это то, что формирует и восполняет ее функционал в полном объеме, как это есть в Европе. Если мы идем в Европу, давайте брать за основу какие-то европейские модели. А мы – единственная страна сегодня, в которой декриминализована контрабанда и в которой таможня не имеет этих прав, о которых я говорю.

– А что по подследственности? Сейчас как раз реформируется СБУ, принят в первом чтении соответствующий законопроект, самое время этот вопрос обсудить с законодателями.

– Логика наших предложений, которые мы подали президенту, сводится к тому, что таможня противодействует контрабанде и незаконному перемещению товаров в полном объеме, а правоохранительные структуры пусть занимаются контролем таможенников на предмет правильного исполнения ими своих обязанностей.

– Кто вам чаще всего звонит из Офиса президента? Как часто вы общаетесь с Ермаком и устраивает ли этот уровень коммуникации?

– Чаще всего я общаюсь с заместителями. От Ермака звонки бывают достаточно редко. В последнее время чаще общался со Смирновым, он курировал вопросы, связанные с подготовкой к СНБО, и нашими инициативами. Если речь о силовом блоке, то общаемся с Татаровым. Еще с Юлией Свириденко, потому что экономика – это больше ее сфера. Немало вопросов поступает от Секретаря СНБО Данилова, который очень глубоко в последнее время вникает в проблемы таможни.

– Они все по государственным вопросам или кто-то все-таки спрашивает, как оптимизировать таможенные платежи в Sanahunt?

– Я, тьфу-тьфу, постучу по дереву, от Офиса президента получаю больше поддержку и точно не получаю лишних вопросов, связанных ни с кадровой политикой, ни с какой-то таможенной политикой.

"БОРОТЬСЯ МОЖНО С ПЕРСОНАЛИЯМИ И ОТДЕЛЬНЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ. БОРОТЬСЯ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ – ЭТО ЛОВИТЬ ОТДЕЛЬНЫХ ТАРАКАНОВ НА КУХНЕ, НА КОТОРОЙ ДАВНО НЕ УБИРАЛИСЬ"

– Я здесь делал первое интервью с главой таможни лет 12 назад. После этого были еще. Многие вещи, которые вы говорили, повторялись. К слову сказать, как раз магазин Sanahunt – с которым работал адвокат Андрей Ермак, глава Офиса президента это один из символов нарушения таможенных правил. Это очень смешная история, потому что все ездят мимо него. И многие премьер-министры ставили задачу по проверке Sanahunt. Гройсман требовал проверки Sanahunt провести. Как тогда заявляли, на таможне задержали при перевозке более 1 миллиона долларов наличных, которые незаконно провозили якобы сотрудники магазина. Последний, кто давал распоряжение проверить Sanahunt, был Алексей Гончарук. Но Sanahunt стоит. Для всех это плохо закончилось во власти. Но все-таки интересно, вы эту высоту сможете взять? Вы будете инициировать перед Кабмином проверку деятельности этих брендовых магазинов, которые занижают таможенную стоимость?

– Вопрос не в том, что мы будем бороться с персоналиями. Если пропадет Sanahunt, откроется что-то новое.

– **Это знаковое событие, согласитесь. Sanahunt – это структура, которую много лет обслуживал Андрей Ермак как адвокат. Если вы сейчас инициируете там проверки, значит, власть хочет действительно навести порядок с контрабандой, повысить собираемость налогов, и для всех это будет мощный сигнал: да, надо платить, если даже структура, с которой связан Ермак, платит, значит, мы все тоже должны платить. А если не получится, извините, вывод будет противоположный.**

– Я согласен с вами, что, наверное, есть какие-то знаковые вещи. Но бороться можно с персоналиями и отдельными проявлениями. А можно бороться с системной подосновой. Я считаю, что с проявлениями бороться – это ловить отдельных тараканов на кухне, на которой давно не убирались. А можно на кухне сделать системные изменения – поменять плитку и полы, тогда тараканов не будет.

– **Это правда. Но, к сожалению, у нас спустя 30 лет тараканы продолжают рулить, поэтому, извините, без них невозможно.**

– Я точно так же с вами несчастлив тем, что за 30 лет мы декапитализировали страну. То, что с точки зрения экономики произошло, это декапитализация страны. Но мне кажется, что более эффективный путь – это изменение системы и структуры, чем борьба с отдельными проявлениями. Это красиво. На этом можно поднимать флаг и каждую неделю говорить: мы хлопнули контейнер из Китая. – А мы хлопнули Оксану Мороз, она же Оксана Хант, или кого-то из участников рынка.

– **Тогда вы войдете в историю. Ни один ваш предшественник – глава таможи, ни один премьер-министр не смогли побороть Оксану Хант, поэтому тут интересно, что все-таки: государство или Sanahunt с Ермаком?**

– Мы работаем в условиях ограниченного ресурса. У человека это ресурс времени. Я нахожусь в том возрасте, когда считаю, что время надо

расходовать максимально эффективно и рационально. Поэтому изменения, которые мы проговорили, значительно больший эффект дадут, чем борьба с кем-то. Если бы я хотел попасть в парламент или сделать себе политическую карьеру, наверное, это был бы правильный путь. Меня политическая карьера уже не интересует. Я очень хочу сделать что-то системное. Потому что "победив" условный Sanahunt, я не оставлю след в истории таможни, об этом забудут через месяц. А если мне удастся "победить" нынешнюю систему таможни и построить новую, думаю, что помнить обо мне будут дольше.

– Прошу прощения, но про Sanahunt вам не забудут через месяц. Думаю, что догонять вас будут гораздо дольше.

– Я бы хотел вернуться к тому, что мы говорили. Вот у нас анализ по сегментам участников внешнеэкономической деятельности. У нас здесь 2020-й год. 54 млрд налогооблагаемого импорта. Вот у нас 5,5 тыс. субъектов приносят в бюджет 312 млрд грн. Из 356. В сером сегменте это 12 тыс. субъектов, которые приносят 25 млрд. грн. А в теневом сегменте – 200 тыс. субъектов, которые дают всего 22,5 млрд. То есть здесь 5-кратный рост, здесь – 1,5-2 раза. И вот это те самые 100-150 млрд, потому что все эти оценки произведены косвенными методами.

Мы видим этот резерв. Они проводятся и общественными организациями, и международными организациями, и нами. А депутаты любят гиперболизации. Когда им говоришь, что здесь 5-кратный рост, они говорят: так здесь 5 бюджетов везде. Это не совсем 5 бюджетов. Это 5-кратный рост в одном из сегментов. Поэтому система должна измениться, чтобы здесь не было. Их надо выдавить сначала в серый сегмент, а потом в сером сегменте выстроить все так, чтобы они были сами заинтересованы прийти и получить лицензию авторизованного экономического оператора.

– В январе на своей странице в "Фейсбуке" вы [опубликовали](#) видеосюжет журналиста Евгения Плинского, но без каких-либо подписей. Но под этим постом Макс Нефедов разместил комментарий: "Павло Рябікін, тримайтесь! Це війна...". В самом же сюжете шла речь о том, что в зоны таможенного контроля с проверками зашли представители СБУ. Это действительно была война и кто тогда из нее

вышел победителем?

– Я глубоко благодарен по жизни всем своим друзьям и в особенности врагам. У меня нет врагов в системе со стороны СБУ. Но я понимаю, что здесь речь идет о...

– ...тараканах.

– О правосубъектности. Правосубъектность таможи во взаимоотношениях с СБУ. Таможня имеет свои права и свои обязанности. Вот за обязанности с нас очень хорошо спрашивают, а о правах постоянно забывают. Любая процессуальная активность правоохранительных органов в зонах таможенного оформления на территории пунктов пропуска должна осуществляться только по решению следственного судьи. Потом вдруг появляются люди внутри зон, не имея таких решений. Когда я спрашиваю своих подчиненных, а почему собственно пустили? – Ну, вот они в следующий раз придут и нас положат лицом в пол.

То есть страх, основанный на том, что у тебя руки нечисты и тебя за это хлопнут и положат лицом в пол, заставляет таможенников принимать такие решения, которые позволяют сотрудникам правоохранительных органов появляться там, где их не должно быть. Но на самом деле в момент, когда СБУ появилась на пунктах таможенного оформления, мы посмотрели, что количество транспорта под кодом "пустой", входящих в зону, сократилось. Количество оформлений увеличилось. То есть, в этом был свой позитив. Поэтому я очень благодарен всем правоохранительным органам, которые помогают нам сегодня выполнять нашу работу по наполнению бюджета.

– Подождите, простите. Ну тогда против кого же вводит санкции СНБО? Если СБУ эффективно работает на таможне, какие могут быть злые контрабандисты? Как же это происходит?

– Разве я сказал сейчас об эффективной работе? Я сказал о том, что есть какие-то факторы. После введения санкций мы видим проседание количества оформлений на Одесской таможне.

– То есть, стакан наполовину полон, вы считаете?

– Во всем надо искать позитив и ко всему относиться с определенной долей юмора, тогда есть шанс выжить в наших непростых условиях.

"РЕЗУЛЬТАТОМ ДОЛЖЕН СТАТЬ ПОЛНЫЙ УХОД ПРАВООХРАНИТЕЛЕЙ ИЗ ЗОНЫ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ"

– Сейчас вводят санкции против людей, по которым в СБУ нет ни одного законченного расследования или хотя бы предъявленного подозрения. Справедливым ли вы считаете то, что не вводятся санкции против руководства СБУ, которая несет ответственность за борьбу с контрабандой? И почему Баканов, Наумов, Капелюха никак под эти санкции не попали?

– Вы сейчас называете фамилии конкретных людей, которые мне достаточно сложно оценивать. В мире вообще мало справедливости.

– Зато ее много на предвыборных плакатах. Давайте говорить без фамилий, о СБУ в целом. Почему никто не отвечает среди силовиков за провалы в борьбе с контрабандой?

– Я уже говорил о том, что в основе масштабной контрабанды лежит коррупционный сговор. И, наверное, можно сегодня санкции в равной степени предъявлять и сотрудникам таможни, и представителям силовых органов.

– Но, в отличие от Гостаможслужбы, в СБУ никого не отстранили. У них все хорошо.

– Я не работаю в СБУ. Мне трудно судить. Понимаю, что вы хотите от меня каких-то человеческих реакций. Еще раз. Я не политик, я государственный служащий, человек, несущий ответственность за свои слова. Если я кого-то хочу в чем-то обвинять, я должен иметь для этого какие-то основания. У меня есть факт, который говорит о том, что сама система в существующем виде не имеет больше права на жизнь.

И именно констатация этого факта привела, наверное, к тому, что было сформулировано политико-правовое решение СНБО о том, что контрабанде больше не должно быть места, и мы должны с ней бороться. Вопрос в том, что, как и в каждом явлении, которое мы сегодня имеем в обществе, всегда есть и позитивные, и негативные вещи. Кто-то наверняка пытается воспользоваться в своих интересах, когда мы, начиная с бороться с отдельными личностями, можем зачистить их под кого-то другого.

– По сути, мы говорим об одном и том же. Вы сказали, что нельзя бороться с тараканами. Вот сейчас президент Зеленский вместо того, чтобы принимать системное решение, борется с одними тараканами в интересах других тараканов, которые спокойно ползают дальше и по зоне таможенного контроля.

– Ну почему? Я думаю, что как раз здесь системное решение президента состоит в том, что первым вопросом, который заслушивался на СНБО, был вопрос реформирования таможенной службы, где я изложил все то, что рассказал вам. И оно было одобрено, и в том числе нам выдано поручение подготовить реализацию тех мер, которые были предложены. Это системное решение. Но ему необходимо еще какое-то политическое сопровождение. Скорее всего, тот элемент, о котором говорите вы, это политический сигнал,

которого давно ждет общество, что контрабанде не должно и не будет места.

– **У нас все эти слова много лет произносились.**

– Наверное, да.

– **Мне кажется, это вопрос определения ответственности. Сейчас я снова увидел, что вся проблема, по мнению президента, по его словам, это то, что есть небольшая группа плохих людей, их уже 23 человека, и вот это они все делают контрабанду. Но ведь те, в чьих руках контрабандные потоки, в большинстве не попали в списки санкций, вы не находите?**

– Попала видимая часть айсберга.

– **Поэтому вопрос я задаю об ответственности: ответственность кто за это должен нести? Если ответственных не определяют, то санкции будут безрезультатными.**

– Неоднократно в ходе подготовки к СНБО, я слышал – это было два или три совещания у президента – следующее. Результатом должен стать полный уход правоохранителей из зоны таможенного контроля. Это очень четко прозвучало и это было сказано как установка.

Эти списки, на мой взгляд, сигнал и нижней, невидимой части айсберга, чтобы они тоже понимали, что могут оказаться под санкциями. Это своего рода превенция. Превенция, носящая как политический, так и правовой характер.

– **Когда на пост генпрокурора была назначена Венедиктова, одно из первых координационных совещаний она посвятила коррупции на таможне. Когда Зеленский назначал Баканова, он ему сказал: твоя основная задача – борьба с контрабандой. Почему до сих пор мы не увидели результатов, как считаете?**

– Я не отвечаю за силовиков. Могу говорить о себе. Коррупция и контрабанда – это системные проблемы, и нужно такое же системное противодействие. Я могу найти механизмы, которые позволят выполнить

такую задачу. По вопросам силовых органов слабоват, скажем прямо. Не мое.

– Слышали об идее лишить часть людей в этих списках украинского гражданства и депортировать их? Как она вам? Если их не будут судить в Украине, то кто же тогда будет компенсировать тот ущерб, который причинен экономике страны?

– Безусловно, вопрос правомерный. Но выходит далеко за рамки моих служебных полномочий. Политическое руководство страны при принятии этих решений, очевидно, имело свою логику и свои мотивы.

– Кто чаще из силовиков конкретно с вами общается?

– Мне приходится общаться с представителями, наверное, всех силовых органов, в большей или меньшей степени. С ГБР часто по информационным вопросам, с НАБУ – в рамках наших информационных обменов и нашего сотрудничества по кадровой реформе. И с СБУ, у которой тоже постоянно есть вопросы. У нас нормальные рабочие отношения.

– Сергей Шефир общается с вами, звонит вам?

– Сергей Шефир ни разу мне не звонил с точки зрения его личного знакомства. Я его вижу всякий раз, когда бываю на совещаниях, но он таможенной тематикой не занимается.

– Просто тоже есть, скажем, вопросы. В интернете пишут, что Максим Бабич, тоже достаточно известный человек на таможне, которого в интернете называют контрабандистом, не попал в эти списки почему-то. Поэтому задаются вопросы, не связано ли это с Шефиром либо с какими-то интересами Офиса президента.

– Я сделал очень сильную стойку, когда прочитал такую информацию, потому что Максим Бабич – это руководитель таможенного поста аэропорта "Борисполь". Совершенно мне отлегло от сердца, когда узнал, что он не имеет отношения к тому Максиму Бабичу, о котором я первый раз услышал, когда начались эти дискуссии.

- Президент сказал, что списки будут пополняться. Слюсарев с Ивановым будут в новых списках?

– Со мной списки не обсуждают.

– Но вы давали какие-то данные СНБО о том, кто, по вашему мнению, является главным контрабандистом?

– Я не сторонник распространения слухов. Я могу дать перечень компаний, юридических адресов, директоров, тех, кто у нас "проявился". Но эти компании имеют достаточно короткий жизненный цикл.

– И вы давали такой список?

– Конечно. Мы предоставляли нашу аналитику о том, где мы видим проблемы.

– Вы сталкиваетесь с системой влияния Слюсарева и Иванова, "королей Гоптовки", экс-пограничника и экс-таможенника, разбогатевших в Харькове на контроле границы, и избежавших санкций благодаря тому, что они в руководстве "Слуги народа" и кураторы региональной партийной политики?

– Я не знаком ни со Слюсаревым, ни с Ивановым. Фамилии эти слышал. Но, насколько я слышал, их всегда связывают с пограничной службой. В сфере таможни я не сталкивался непосредственно с этими фамилиями.

– Почему не попал под санкции Александр Акст и компания "Премиум пакет", о которой так много пишут в СМИ с обвинениями в контрабанде?

– Глава государства уже говорил, что эти санкции и эти фамилии – далеко не последние. Могу предположить, что правоохранные органы занимаются и другими людьми, возможно, и названными вами. Мы делаем то, что в нашей компетенции: предоставляем спецслужбам всю информацию, которая у нас есть.

А также поставили все грузы "Премиум пакета" на дополнительные формы

контроля, все операции очень плотно отслеживаем. И сейчас торговая активность упомянутого "Премиум пакета" резко снизилась по количеству операций и объемам товара по сравнению с прошлым годом.

– Вы не думаете, что все, кто попал под санкции как контрабандисты, подадут в суд и выиграют? И потом государство Украина, не имея обвинительных приговоров, заплатит им еще и компенсацию.

– Я не могу исключать такого развития событий, потому что нет ничего справедливее, чем справедливый украинский суд.

– Илья Павлюк, один из руководителей "Слуги народа", о причастности которого к контрабанде в СМИ много писали, не звонит вам, не контактирует, вы не общались?

– Не знаком с ним, не общался.

– Прекрасно вообще, надо же – такой влиятельный человек и не контактирует.

– У меня, как мне сказали, имидж трудноговорчивого человека, поэтому мне мало кто звонит из представителей нынешней политической элиты.

"ПРЕЗИДЕНТ МНЕ СКАЗАЛ ПРЯМО: "ТАМОЖЕННИК ДОЛЖЕН БЫТЬ ОФИЦИАЛЬНО БОГАТЫМ ЧЕЛОВЕКОМ"

– Если у вас будут сканеры, обязательный контроль веса и видеоконтроль каждого оформления, это будет ваш собственный силовой ресурс, очень серьезный. Сколько вы планируете оборудовать таких пунктов и когда?

– 79 пунктов. На это уйдет 10 млрд грн. Правительство подсчитало, что может выделить эти деньги за 3 года. На самом деле это будет цикл, наверное, в 4 года. Потому что на сегодняшний день, чтобы их таким образом оборудовать, надо в соответствии с нашими законами провести цикл проектных работ. Как показывает практика, проекты с их госэкспертизой и всем остальным съедят еще год. Даже если эти деньги появятся, то самих проектов не возникнет. Их нет. Этим никто не занимался.

И второй вопрос – система интеграции с IT-анализом, чтобы минимизировать человеческий фактор при оформлении. Приведу пример. На Ягодине стоит новый китайский сканер – ничего не видит. Поскольку мне со сканерами раньше пришлось много сталкиваться в Борисполе, там хороший инженер, я

попросил его съездить, посмотреть, в чем дело. Приезжает и говорит: либо они полные недоучки, либо они сильно переучены. Сканер – это система, которая основана на генерации частоты тока, от которой зависит и частота сигнала. Она рассчитана на разную плотность материала. Если ты хочешь посмотреть, что у тебя внутри металла, ты ставишь одну силу сигнала, если ты ищешь сигареты, ты ставишь другую, самую слабую. Они ставят самую сильную на все. Оно простреливает все насквозь. Там действительно совершенно размытый фон, ты ничего не идентифицируешь. Хотя ты должен идти по принципу: включить один режим на низкоплотностные вложения, потом средний режим на более высокую плотность вложения, как в авиабезопасности пластиды ищут одним излучением, оружие другие и т.д.. Так вот, они все включают на максимум, у них все бело-серое, такое размытое пятно. Конечно, если там будет пулемет станковый или какая-то часть БТРа, они это увидят, но поскольку это не является предметом контрабанды на западной границе, сигарет они, естественно, не видят. Либо не хотят, либо не знают, как. Я допускаю оба варианта. Но скорее всего, не хотят.

– То есть, нужно настраивать это все.

– Да. А когда ты покупаешь не китайский Nuctech, который работает в таком режиме, а "Рапискан" с системой искусственного интеллекта и автоматического сканирования трехплоскостного, ты сразу получаешь разницу. Потому что можно оснастить все пункты пропуска за 5 млрд, а так за 10.

– И бесконтактно мониторить все это отсюда.

– Совершенно верно. А наши условия, которые придется проторговать через систему "Прозорро", как раз предрасполагают, что система купит скорее всего Nuctech с ручным режимом.

– Если ТЗ выписать под это. Это можем мы писать про эти сканеры?

– Конечно. Причем сканер даст только часть картины, вторая часть картины – это все остальное. Потому что любое транспортное средство, любой товар

имеет свои весовые характеристики. Поэтому важны и вес, и видео. Если нам удастся запустить все комплексно, тогда это дает качественные изменения.

– Вы сказали, что придется обновить кадровый состав. Насколько?

– К сожалению, метастазы коррупции проникли глубоко. Может, вы видели видео, которое я разместил на "Фейсбуке", о том, как инспектор Галицкой таможни оформляет груз? У него первое действие такое: он берет паспорт, открывает – и если нет 100 грн, не начинает оформление. Более того, когда ему положили 200 грн, он залез в карман, достал деньги и дал сдачу.

– Честный человек.

– Да уж. У видео есть еще вторая серия. Где к человеку приходит служба внутренней безопасности, и он при них съедает деньги, которые набрал.

– Вы меняете правила конкурсного отбора, переводите людей на контракты. Не думаете, что многие профессионалы просто уйдут? И отнюдь не из-за коррупции и риска быть изобличенным.

– Возможно. Но мы начали взаимодействовать с двумя категориями, в которых видим большой кадровый резерв для себя. Это студенты-выпускники таможенных вузов, то есть молодежь, которая условно еще не испорчена. И вторая – те, кто прошел службу в зоне АТО и имеет высшее образование. Мы базе учебного центра разработали ускоренный курс подготовки таможенного инспектора и начали взаимодействие с ветеранскими организациями. Мы получили за неделю порядка 2 800 анкет от желающих перейти на службу в таможне. Это люди в возрастной категории от 18 до 50 лет, из которых мы уже сформировали первую учебную группу. Думаем, что к середине мая они получают первые сертификаты о том, что могут работать инспекторами таможенного оформления.

– Пошли по пути патрульной полиции? Не боитесь получить такое же качество?

– Мы смотрим и на первичное образование, и на психологические какие-то

аспекты. Потому что они будут еще проходить тестирование в полном объеме, которое сейчас идет в службе. Это не простой отбор. Тем не менее, какой-то резерв за счет этого мы получим. И второй резерв, который мы получим, это за счет сокращения количества работающих на таможне. Это сокращение мы планируем за счет внедрения принципиально нового IT-продукта, когда на 0 или на цифру, стремящуюся к нулю, будет сведен контакт человека с человеком, то есть таможенника с субъектом ВЭД или брокером, когда они будут общаться только с экранами компьютеров между собой. Это уменьшит человеческий фактор и количество работающих.

– Какими вы видите новые зарплаты? Минфин согласовал их размер или, как обычно, сказал "нет"?

– Минфин не может сказать "нет", потому что он понимает, что это надо делать. Кстати, идея о создании спецфонда и поощрении таможенников – это личная инициатива президента. Он мне сказал прямо: пишите механизм, пусть Марченко говорит, что хочет. Таможенник должен быть официально богатым человеком.

– Это он так сказал?

– Да. Это его цитата, которая мне понравилась, мне эта идеология близка и понятна. С точки зрения той мотивационной части, о которой мы говорили, это очень важно.

– Так это вы просто революцию сделаете в госслужбе в целом, другие тоже захотят.

– Почему, если мы сделали для 5 тыс. судей зарплату в 50 тыс. грн минимальную, мы не можем для 10 тыс. таможенников сделать такую же зарплату, при том, что их эффективность для бюджета в разы возрастет? Логика именно в системных изменениях, которые останутся и после нас.

– Судя по тому, что вас все-таки на закрытую часть СНБО не пустили, значит, не все от вас зависит.

– Я считаю, что таможня как институт должна оздоровиться независимо от наличия игроков. И оздоровление самого института может привести к созданию новой среды, на которой эти игроки не будут больше приживаться. Хотя контрабанда стара, как мир. В день, когда появился первый мытарь, наверное, появился и первый контрабандист.

– Потоки останавливались, а потом перераспределялись. И все дальше шло по-прежнему. Сейчас, честно сказать, полное впечатление такой же кампанейщины.

Можем ли мы через 2 месяца позвонить вам и спросить: скажите, к каким результатам привела вот эта кампания по санкциям против этих контрабандистов, что поменялось? Может, эти 150 млрд начали идти в бюджет, о которых вы говорили? Каковы критерии оценки и какие сроки эффективности санкций СНБО вы для себя поставили?

– Я для себя поставил конкретные сроки реализации изменений на таможне.

Я вам могу сказать, что в вопросах кадровой реформы мы завершим переход на контрактную форму к июню и к концу года будем иметь существенное обновление кадров на таможне. Я вам могу сказать, что мы до конца этого года увидим первые IT-продукты и на протяжении этого года заменим IT-систему в Государственной таможенной службе. Я очень верю, что правительство реализует те планы, которые наметило по переоснащению пунктов пропуска.

– Сканерами?

– Это не только сканеры. Это комплексное переоснащение всех пунктов пропуска системами, которые будут выглядеть, если упрощенно брать, так: сканер, весы, видеоконтроль, компьютерный анализ и определение красной или зеленой полосы движения транспортного средства. Это полный уход человека от принятия решения. Это только привлечение человека на досмотр. Я вам могу сказать, что мы к концу года уже будем видеть большое количество пунктов пропуска. Думаю, до 5 крупных пунктов пропуска мы уже оснастим индивидуальными системами видеорегистрации, которые позволят нам осуществлять процедуры таможенного оформления из города, из центрального офиса и СКММ, это нагрудные системы.

И я могу сказать, что в случае принятия тех инициатив, которые мы предоставили в качестве законодательных изменений, нам на восстановление функционала таможни в полном объеме в соответствии с этими изменениями понадобится еще от полугода до года, чтобы запустить эти процессы. Это те сроки, за которые я отвечаю и за которые могу нести ответственность и комментировать. Относительно санкций могу вам сказать о сиюминутном эффекте. Пока мы видим снижение количества платежей и снижение количества оформлений в зоне деятельности Одесской и Галицкой таможен.

– Ждут, какие там условия будут. Ничего удивительного в этом нет. Я спрашивал о другом.

– Можно я завершу свою мысль? Я могу говорить о тех сроках и шагах, за которые несу персональную ответственность. Я вам четко их назвал. Но мне достаточно сложно вам комментировать решения, которые принимаются на

политическом уровне. Я понимаю их характер и зачем это делается. Но спрогнозировать их эффект – не могу. Я бы, наверное, делал не так. Я бы пошел на политическом уровне путем договоренности: ребята, хватит, давайте мы сегодня изменим структуру платежей. Мы определим, у нас есть возможность через отказ от авалорной ставки перейти к специфической ставке и сказать, что если мы видим сложно составленный контейнер, назовем это так, из Турции, определим, что при одежной группе, при условии отсутствия контрабанды, платеж должен быть 2 млн в бюджет. При товарной группе хозяйственной это должен быть миллион в бюджет. И дадим полгода рынку поработать на совершенно четко отфиксированных платежах, которые будут привязаны к объему, к весовым категориям. Наверное, для экономики это даст какой-то эффект. А параллельно бы занимался тем, о чем говорил. Я бы занимался реформированием и изменением среды обитания. Наверное, это был бы эволюционный путь развития. Но политическое руководство предпочитает революционное движение.

– Борьбу с тараканами, как вы метко заметили, предпочитает политическое руководство, если вашей терминологий пользоваться.

– Я так не сказал. Вы пытаетесь меня подвести под конфликт.

– Ваш же термин.

– Борьба с тараканами – это то, чем вы предлагаете мне заниматься в период распределения моего временного ресурса, когда можно бороться с конкретными персоналиями, с директором компании, участником внешнеэкономической деятельности, который пытается завезти один контейнер. Мы либо это делаем, либо занимаемся изменением условий, которые не позволят ему это завезти. Наверное, более эффективным является второй вариант. Я, когда говорил об этом, то имел в виду именно свою ситуацию. Реплицировать ее на общеполитическую – это хорошее журналистское допущение. Но я категорически не использовал подобных определений.

– Какой все-таки эффект для таможни в виде поступлений либо недопоступлений будет от санкций, с вашей точки зрения? В чем-то же

он должен измеряться. В течение двух месяцев что мы увидим?

– В идеале хотелось бы увидеть, что люди будут больше оформлять, то есть, более достоверно декларировать товары. Произойдет это или нет, я вам сказать не могу. Скорее всего, не произойдет.

Татьяна Бодня, Юрий Бутусов, "Цензор.НЕТ"

Фото: Наталия Шаронова, "Цензор.НЕТ"